

«А я ведь вас все равно обойду...»

Василий Шукшин: каким его не знал никто

Помните городскую пару из фильма «Живет такой парень»? Хорошенькая молодая женщина, с начесом и в легком платочке по моде 60-х, едет в кабине грузовика рядом с шофером Пашкой Колокольниковым по Чуйскому тракту и наивно доказывает ему, что слияние города и деревни — дело простое. Она ехала к мужу, заносчивому и противному малому в шикарном свитере, который долго выговаривал ей за то, что села к водителю, не подумав о последствиях. Услышав их разговор, Пашка обиделся и сказал: «А ну плати мне за то, что я везую жену!» В этом эпизоде, помимо Леонида Куравлева, главного героя картины, были заняты очень близкие друзья Василия Шукшина: Ренита и Юрий Григорьевы. В то время они были недавними выпускниками ВГИКа, сегодня — известные режиссеры (их фильм «Праздники детства» по рассказам Шукшина был удостоен Государственной премии). Недавно я побывала в их доме. А еще пообщалась с актрисой Тетяной киноактера Инной Николаевны Выходцевой. Она тоже хорошо знала Василия Шукшина, особенно в годы студенчества.

Я не задавала вопросов, я слушала.

Гороховый суп

Инна Выходцева:

В 1952 году я приехала в Москву, поступать во ВГИК. Конкурс, как всегда был огромный, человек 300 на место. Я проникновенно прочла монолог Катюши Масловой из толстовского «Воскресения» и была принята на курс к Юлию Райзману. Общежития у ВГИКа тогда еще не было. «Будущие звезды» жили на Кропоткинской, в кельях Зачатьевского монастыря. Теснота там была страшная. Чтобы добраться до своей кровати, надо было пе-

Мария Сергеевна, мать Шукшина (крайняя слева)

релезать через чужие. В то время там жили Наташа Фатеева, Тania Конохова, Изольда Извицкая. Мы не могли дожидаться, когда же, наконец, достроят здание в Ростокине, вблизи платформы Яуза, чтобы переехать поближе к институту. Когда же это случилось, мы были безмерно счастливы. Собирались в новеньком общежитии порядок, чистоту (особенно на кухне) и очень подружались с нашими гениальными мальчиками. Там я встретила и Василия Макаровича Шукшина. Мы оба были избраны от своих комнат для приготовления пищи, поэтому каждое утро встречались на кухне. Вася обычно выходил из своей комнаты сам и любил все в его комнате. Почти каждое утро начиналось с Васьиной реплики: «Елки-палки, опять соль стацили!» Соль у нас была общая, она стояла в кухне на подоконнике и вечно куда-то пропадала. Я обычно готовила что-нибудь легкое для девочек, яичницу, например, и сужасом смотрела, как Вася колдовал над своим варевом. Варил горох он очень долго и за это время не произносил ни слова, не шутил, не улыбался, только как-то сумрачно смотрел в окно и изредка чертыхался, ког-

да похлебка кипела и переливалась через край. А я глядела на него и думала: «Вот настоящий сибирский медведь». Суповый, все молчит и молчит. Когда суп был готов, Вася уходил в свою комнату за вафельным полотенцем, подхватывал им кастрюлю и нес к себе. Днем двери комнат в общежитии были открыты, и я видела, как едва Шукшин ставил кастрюлю на стол, над ней склонялись с ложками все обитатели его комнаты. И начинали быстро есть. Только Вася бегал вокруг со своей оловянной ложечкой и просил: «Братцы, ну вы раздвиньтесь немножко, дайте хоть попробовать, что я там сварил». «Ладно, — отвечали ему, — успеешь еще. Мы тебе оставим». И действительно, оставляли. Вася доедал суп и шел в институт. Он обожал ВГИК, а своего мастера Михаила Ильича Ромма просто боготворил. Из своей мастерской больше всего симпатизировал Андрею Тарковскому, который только заглядывал в наше общежитие, но там не жил, так как был москвичом.

Ребята, я — гений!

Ренита Григорьева:

— Во ВГИКе все друг друга знали. Юра и я учились у Сергея Герасимова, курсом старше Шукшина. В студенческой сре-

Андрей Тарковский с Лидией Александровной танцуют рок-н-ролл в Ростокине

де Вася, безусловно, выделялся. Он был постарше других: успел послужить во флоте, поработать в школе, освоил разные профессии. За ним чувствовался жизненный опыт. Он ходил в гимнастерке, галифе и сапогах. Эта форма его по-своему защищала, в ней он выглядел слегка воинственно. Вася был человеком скромным, но имел твердые убеждения. Для него существовали истины, не подлежащие пересмотру. Поскольку у Шукшина не было ни постоянного московской прописки, ни жилья в столице, после окончания ВГИКа его из общежития выписали и он жил по друзьям. Около года он прожил у нас. У нас была небольшая двухкомнатная квартира на Комсомольском проспекте, возле Лужниковской ярмарки.

Юрий Григорьев:

— На эту ярмарку мы с Васей часто ходили. Чаше за сигаретами, в то время самыми лучшими были болгарские сигареты «Опал» и «Стюардесса». Была даже такая шутка: «Хотите стюардессу? — Спасибо, у меня опал». Однажды Вася купил на этой ярмарке две большие табуретки красного цвета (одну после Васьиной смерти я подарил писателю Распутину), объяснил: «У вас же вечно сидеть не на чем». Действительно, у нас был открытый дом. Вечно кто-то жил, каждый день приходили друзья. Но люди, что разувались при входе только Вася и ходил по квартире в носках. Большие ноги этого не делали. Большую часть времени он проводил у

себя в комнате (мы ему выделили ту, что была поменьше). Он постоянно писал и очень много читал. Однажды он пришел к нам с двумя связками книг, обернутых газетами, в руках, и позвал меня в свою комнату. «Смотри, что я на Арбате купил». За какие-то бешеные деньги он приобрел у букинистов сочинения Костомарова, Татищева, других историков. Меня поражала способность Шукшина поглощать огромное количество литературы, испытывать при этом наслаждение и все прочитанное держать в голове.

Р.Г.: — Мы с Юрой в это время работали над сценарием своего фильма «Венский лес», где речь шла о судьбах молодежи в годы «холодной войны», о ее роли в будущем мира. Вася

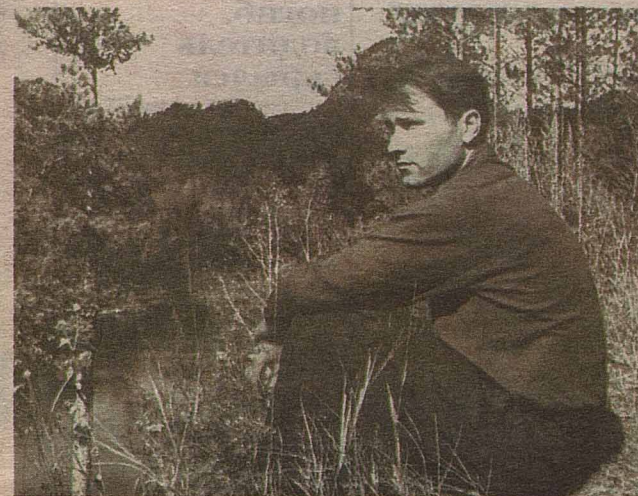
тоже принял участие в обсуждении и даже написал два больших эпизода к нашему фильму, где была роль и для него, но он сниматься не смог, его пригласил Худиев на главную роль в фильме «Два Федора» его роль сыграл Володя Гусев. Мы задумали документальное продолжение этой картины, куда войдет и написанное Васей, совершенно не утратившее своей актуальности.

Ю.Г.: — Мы были молоды, много работали, строили большие планы. В нашей маленькой кухне до самого утра звучали разговоры об искусстве. Часто приходил Андрей Тарковский со своей первой

Своему родному сыну. Передачу принесла. — Передайте передачу. А то люди говорят: «Заключенных в тюрьмах много — Сильно голодом морят».

А сына-то, оказывалось, уже нет в живых, его расстреляли прошлой ночью. Андрей Тарковский не имел ни голоса, ни слуха, но обожал слушать Васю, как и мы все. И даже подписывал.

Ю.Г.: — Я помню, когда Андрей получил за «Иваново детство» в Венеции «Золотого льва», пришел к нам и стал делиться с нами впечатлениями. Вася слушал-слушал и вдруг говорит: «Ребята, а ведь я все рав-

Василий Шукшин на родине

но вас всех обойду. И тебя, Андрей, и тебя, Юрка, и тебя, Ренита!» (Так он меня называл, имя у меня необычное. Означает: революция, наука, искусство и труд. В 30-е годы, когда я родилась, такие имена были в моде. Но Васе больше нравились произносить его с окончанием на -о). Мы говорим: «Вася, зачем тебе нас обходить? Мы так тебя любим, что сами охотно расступимся и дорогу дадим». — «Нет, вы сопротивляйтесь, — возразил Вася, — я не люблю, когда мне зеленый свет дают». Когда Васю что-нибудь волновало, у него по-настоящему «закипали» слезы. Как-то один из друзей стал рассказывать про встречу Пушкина и Гоголя. У Васи на глазах выступили слезы. «Эх, — сказал он, — полжизни бы от-

Отец мой был природный пахарь, а я работал вместе с ним. Отца убили в первой схватке, а мать живьем в костре сожгли!

Но самая любимая всеми нами была душераздирающая песня про мать-старушку:

В воскресенье мать-старушка Кворотам тюрьмы пришла.

дал, чтобы хоть в щелочку на них взглянуть, послушать, о чем они говорили». А однажды он пришел и вполне серьезно сказал нам: «Ребята, я — гений. Я написал роман. И сейчас я вам буду его читать». Мы слушали до утра, как Вася читал свой роман «Любовины» и вполне согласился с тем, что он гений, хотя он, конечно, шутил, так о себе сказал. У Васи была навязчивая идея отвезти нас на Алтай, в Сrostки, чтобы мы там пожили подольше, прочувствовали, что такое его малая родина. Он ее любил безумно. И, наконец, я через бюро пропаганды и при поддержке Герасимова выхлопотала для группы молодых кинематографистов поездку в Сибирь.

С горы Пикет вся Россия видна

В эту группу вошли, кроме нас, кинооператор Саша Саранцев, земляк и лучший друг Шукшина и киновед Наум Клейман. Мы съездили по Сибирь, были в Иркутске, на Ленских приисках, в Бодайбо, выступали перед сельскими жителями, рабочими леспромпхозов. Когда Наум начинал рассказывать им об интеллектуальном монтаже Эйзенштейна, Вася смеялся, что его не любили, а только кибернетические машины могут понимать. По-знакомились с молодыми Сашей Вампиловым и Валей Распутиным. Заезжали мы и на Братскую ГЭС, которая тогда достраивалась. Мы собрались на экскурсию, посмотреть на гигантское творение рук человеческих, а Вася наотрез отказался. Он считал, что от таких сооружений больше вреда, чем пользы, они нарушают экологию. И во многом был прав. Через 3 месяца нашего путешествия прибыли в Сrostки...

Ю.Г.: — Это было в марте, и в Сrostках еще лежал глубокий снег. Едва на местном полуразбитом автобусе мы свернули в переулок, где стоял родительский дом Шукшина, он выскочил первый, бросил свой чемодан в сугроб и, как мальчишка, побежал к дому, где на

крыльце его ждала мать, Мария Сергеевна. Я никогда не встречал людей, которые бы так привязаны были к своей матери. Шукшин говорил: «Смерти матери я не переживу». Так и вышло. Он ушел раньше.

Р.Г.: — Народ в Сrostках откуда-то сразу узнал, что мы приехали, и пошел к Марии Сергеевне. Несли к столу у кого что было: сало, рыбу, огурчики. А потом было застолье. У Марии Сергеевны было две сестры, Вера и Дуня. В Сибири их зовут не тетками, а нянями.

— Нянь Дунь, — просит Вася, — ну запой!

— Голоса нет, отпела я, Вася, — отвечает та.

— А ты рюмочку пропусти, она сама и запоем, — советует Вася.

Потом эти слова вошли у нас в поговорку. Песен мы тогда наслушались и сами напелись от души. А когда стемнело, Вася потащил нас на гору Пикет. «Оттуда, — сказал он, — вся Россия видна». Мы долго лезли по каким-то сугробам, метель началась. Добрались. Темно. Все вокруг во мгле, а Шукшин огляделся, счастливо вздохнул и сказал: «Красота, правда?» Мы, конечно, с ним согласились. Он мечтал снять картину «Ванькина мать», о своем детстве. После его смерти мы осуществили его мечту, сняли фильм «Праздники детства», где мать Шукшина сыграла Людмила Зайцева. И в первый же год после смерти Шукшина, в день его рождения, 25 июля, не стовариваясь, на гору Пикет пришли люди, помянуть своего великого земляка. Они сами определили его место на земле и в истории. Потом это стало традицией. Теперь там проходят Шукшинские праздники. В этом году Васе исполнилось бы 75 лет.

Ю.Г.: — В этой поездке Вася написал сценарий для первого своего полнометражного фильма — «Живет такой парень» и стал предлагать его на Мосфильм, на Киевскую студию, но сценарий нигде не брали. Потом мы показали его Сергею Герасимову, и он разрешил ставить его на киностудии имени Горького. Съемки должны были

проходить на Алтае, и Вася позвал нас с Ренитой в эту киноэкспедицию. Оформил как актеров окружения. Мы не собирались у него сниматься поехали просто, чтобы быть под рукой, если понадобится обсудить что-то. Советы коллег-режиссеров бывают порой очень нужны. И кроме того, нам хотелось побывать на Алтае летом, покататься со стрелками, которых мы успели полюбить. Эпизод, который мы условно называли «манжеровкинг», придумался сам собой. И реплики, и свои вышедшие из головы, а я только сейчас ласковое слово от него услышала. Я поцеловала его на прощание, и больше мы с ним не виделись.

Р.Г.: — Смерть Васи была, конечно, для всех нас шоком. Никто сначала не верил. Из Сrostка приехали мать и сестра. Матери боялись говорить, что Вася умер, убеждали ее, что он просто тяжело болен. Саша Саранцев и Леша Ванин повезли ее и Наташу на Бочкова (там Шукшин получил квартиру за полтора года до смерти, до этого они с Лидой и дочками жили в кооперативной «двушке» в Свиблове), и когда проехали институт Склифосовского, где в морге находилось тело Шукшина, Мария Сергеевна вдруг заголосила: «Зачем вы все обманывали меня?! Ведь я же чувствую, знаю, нет больше моего сыночка!» Мать очень хотела увезти Васю на родину и похоронить его там.

Говорила: «Если я буду там, а он здесь, то куда же я приду? Куда цветочек принесу?» Но ее убеждали, что такие люди, как ее сын принадлежат России, миру, и она согласилась, чтобы он был похоронен на Новодевичьем кладбище. В день похорон, когда мы ехали к кладбищу по Пироговке, я вдруг увидела людей, стоящих вдоль тротуара, как мне показались с красными флажками. Подумала еще: «Кого встречают?» Оказалось, что это не флажки, а веточки калины, с красными, как капельки крови, ягодами. Так Москва провожала Шукшина.

Ветки красной калины

И.Н. — Последний раз мы встретились с Шукшиным в Доме кино, на премьере его фильма «Калина красная». Я обрелась, пока смотрела фильм, а потом отбила ладони, хлопая автору. Шукшина, однако, на сцене не было. Зал не расходился, но я была так переполнена чувствами, что больше не могла там оставаться и решила улизнуть через черный ход. В вестибюле стоял Вася. Весь бледный, напряженный. Я закричала: «Вася! Поздравляю тебя!» — стала обнимать его за плечи, за голову. — Такой замечательный фильм! Спаси-

те тебе большое!» Он говорит: «Тихо-тихо-тихо. Ты что это, правду говоришь?» Я ему: «Послушай, зал не уходит, тебя все ждут, Ванин тебя обыскался, а ты здесь! Иди скорее туда. Слышишь, как неистово хлопают?» Он: «Погоди, дай отдышаться. Сейчас пойду. Я ведь никак не ожидал...» И вдруг схватил меня за руки, крепко сжал их и с чувством сказал: «Спасибо тебе, Инка. Ты не представляешь, что ты сейчас для меня сделала». Первый раз он меня так назвал — «Инка». Меня это до слез тронуло. Ну вот, думаю, сколько мы с ним простояли в Ростокине у кухонной плиты, а я только сейчас ласковое слово от него услышала. Я поцеловала его на прощание, и больше мы с ним не виделись.

Р.Г.: — Смерть Васи была, конечно, для всех нас шоком. Никто сначала не верил. Из Сrostка приехали мать и сестра. Матери боялись говорить, что Вася умер, убеждали ее, что он просто тяжело болен. Саша Саранцев и Леша Ванин повезли ее и Наташу на Бочкова (там Шукшин получил квартиру за полтора года до смерти, до этого они с Лидой и дочками жили в кооперативной «двушке» в Свиблове), и когда проехали институт Склифосовского, где в морге находилось тело Шукшина, Мария Сергеевна вдруг заголосила: «Зачем вы все обманывали меня?! Ведь я же чувствую, знаю, нет больше моего сыночка!» Мать очень хотела увезти Васю на родину и похоронить его там. Говорила: «Если я буду там, а он здесь, то куда же я приду? Куда цветочек принесу?» Но ее убеждали, что такие люди, как ее сын принадлежат России, миру, и она согласилась, чтобы он был похоронен на Новодевичьем кладбище. В день похорон, когда мы ехали к кладбищу по Пироговке, я вдруг увидела людей, стоящих вдоль тротуара, как мне показались с красными флажками. Подумала еще: «Кого встречают?» Оказалось, что это не флажки, а веточки калины, с красными, как капельки крови, ягодами. Так Москва провожала Шукшина.

Наталья РАДИЩЕВА

Шукшин В.М. (1928). 10.04 (04.05.)